

УЧИТЕЛЬ И ШКОЛА

А.В. КАРПОВ

Когда знаешь человека давно — а я знаком с В.Д. Шадриковым более 40 лет, т. е. практически всю свою сознательную жизнь, — и знаешь его, смею думать, достаточно хорошо, то говорить и тем более писать о нем и очень легко, и очень трудно. Легко, потому что без труда вспоминается многое из того, что было за эти долгие годы. Но и трудно именно поэтому же: рассказать обо всем невозможно, и поневоле приходится что-то выбирать, а это уже совсем непросто. Понятно также, что эти трудности выбора многократно возрастают, когда речь идет о личности такого масштаба, как В.Д. Шадриков — личности не только крупной, но многогранной, многомерной, синтезирующей в себе множество различных сторон, каждая из которых, разумеется, достойна специального внимания.

Так, особого внимания заслуживает, конечно, специальный анализ творческого пути и научного вклада Владимира Дмитриевича в развитие современной психологии. Не менее значима и поучительна ретроспектива того очень продолжительного и во многом переломного для страны периода, когда В.Д. Шадриков, являясь государственным деятелем высшего уровня, концентрировал свои силы и талант преимущественно на

организации системы образования в нашей стране. Возможны и иные аспекты анализа жизненного пути и творчества В.Д. Шадрикова; лишь их синтез может дать достаточно полное представление о личности этого человека.

Вместе с тем, хорошо понимая невозможность «объять необъятное», в этих заметках я остановлюсь лишь на одном, но достаточно показательном, на мой взгляд, аспекте богатейшего научного и жизненного пути Владимира Дмитриевича. Более того, этот аспект представляется мне не только очень показательным, но и во многом определяющим для понимания многих иных черт его личности и особенностей его научной деятельности. Тематически он может быть сформулирован следующим образом: В.Д. Шадриков и Ярославская психологическая школа. При чем речь пойдет, конечно, не только и даже не столько о традиционной «развертке» этой темы в духе «Роль и место В.Д. Шадрикова в становлении и развитии данной школы». Такой ракурс был бы не только тривиальным, поскольку эта роль и это место общепризнанны и общеизвестны, но и фактически не совсем правильным, точнее, не совсем полным, так как значимость творчества

Владимира Дмитриевича давно вышла за пределы этой школы, а его достижения стали достоянием психологической науки в целом.

По моему мнению, гораздо более важный пласт данной темы заключается в глубоком и фактически органичном родстве и даже единстве сущностных черт Ярославской психологической школы и базовых личностных качеств В.Д. Шадрикова, общей направленности его личности и как ученого, и как человека. Такое единство очень ярко проявилось уже на относительно ранних этапах становления школы, о которых преимущественно и идет здесь речь. И этот «феномен конгруэнтности» личности и школы обусловлен двумя важнейшими причинами. С одной стороны, В.Д. Шадриков, будучи одним из основателей и творцов этой школы, во многом заложил ее основные традиции. Вполне закономерно поэтому, что эта школа воспроизводит в себе черты своего выдающегося представителя. Однако, с другой стороны, сами эти традиции и «дух школы», будучи сформированы и начав жить самостоятельной жизнью, все более рельефно и явно высвечивают сущностные черты В.Д. Шадрикова.

Действительно, психологическим сообществом нашей страны признано то, что одной из основных особенностей Ярославской психологической школы выступает атрибутивно присущая ей практическая направленность, органическое единство теоретических и прикладных аспектов проводимых в ней исследований и разработок. Это одновременно и ее определяющая особенность, и ее «фирменный знак», и залог ее жизнеспособности, конструктивности и

конкурентоспособности. Такая направленность, оформившаяся уже в середине прошлого века, имеет, конечно, комплексную, многофакторную обусловленность. Среди главных факторов, определивших ее, следует отметить и то, что в Ярославле была создана первая в стране лаборатория промышленной психологии; и то, что в этот же период сложилась группа очень интересных и талантливых ученых, чьи исследования характеризовались тесной связью с практикой; и то, что эти исследования уже тогда были адекватным ответом на социальный, практический заказ и пользовались институциональной поддержкой в регионе. Неслучайно, что созданный в 1970 г. факультет психологии Ярославского университета изначально был ориентирован на подготовку специалистов-психологов, прежде всего, практического профиля. Кстати говоря, это был третий в стране факультет психологии (наряду с факультетами в Московском и Ленинградском университетах), а роль в его создании В.Д. Шадрикова вполне аналогична той роли, которую сыграли А.Н. Леонтьев и Б.Г. Ананьев в становлении двух указанных факультетов.

Вместе с тем только отмеченные выше факторы еще недостаточны для понимания сущностных черт Ярославской школы. Для того чтобы «исходная практичность» не иссякла, не исчерпала себя, она обязательно должна подпитываться большой теорией и известными теоретиками. Но даже и этого мало, необходимо также, чтобы лидер школы в период ее становления олицетворял ее сущностные черты, ее дух. В этом нет

ничего нового и необычного, поскольку давно и прочно установлено, что культура любой организации (в данном случае — неформальной, т. е. научной школы) решающим образом зависит от личностных черт, от направленности личности ее лидера. Это одна из «аксиом» организационной психологии, которая, кстати говоря, явно недостаточно ассимилирована науковедением и редко используется при изучении научных школ.

В свете этого становится понятным и даже необходимым осознание еще одного фактора, определившего атрибутивную практичность Ярославской психологической школы и ее дух. Это более глубокий, латентный, нежели все указанные выше, но не менее мощный, чем они, фактор — фактор особенностей личности В.Д. Шадрикова. Можно сказать даже, что это — своего рода «фактор второго порядка», поскольку он определял многие другие факторы: и отбор кадров для школы, и приоритеты в тематике научных исследований, и культуру исследований, и уровень требований к ним, и сферу научных контактов, и авторитет школы, и многое другое. Используя метафору структурной организации интеллекта с его «G-фактором», можно говорить о своего рода «Ш-факторе» (факторе Шадрикова) в структуре Ярославской психологической школы. Содержанием же этого фактора, его уникальной особенностью является, на мой взгляд, важнейшая черта интеллектуальной деятельности В.Д. Шадрикова, состоящая в следующем.

Обычно в психологии, особенно после классической работы Б.М. Теп-

лова «Ум полководца», принято дифференцировать «ум теоретический» и «ум практический», теоретический и практический интеллект. Молчаливо предполагается также, что в каждом индивидуальном случае обычно должен доминировать какой-либо один из этих двух «полюсов», а второй должен быть реципрокно представлен в существенно менее выраженном виде. Отсюда все «обидные» для теоретиков «практические дефициты» и еще более обидные для практиков дефициты теоретического плана. Вместе с тем из этого считающегося общим правила существуют нечастые, но счастливые исключения, когда можно говорить не об «уме практическом» и не об «уме теоретическом», а об «уме *синтетическом*». Именно эта синтетичность, нерасторжимое единство теоретической и практической составляющих интеллекта — отличительная и наиболее важная особенность В.Д. Шадрикова. Именно она позволяет ему быть и блестящим теоретиком, и выдающимся организатором одновременно. И именно она составляет содержание того «Ш-фактора», благодаря которому сложилось органичное единство теории и практики, характерное для Ярославской психологической школы.

Какими бы вопросами ни занимался Владимир Дмитриевич, какие бы научные проблемы ни разрабатывал, он стремится довести их до степени практической реализации. Один из вопросов, который он нередко задает теоретикам: «Ну и что?», т. е. пытается выяснить, что это дает практике. Более того, приоритеты тематики его работ и общий стиль его научной деятельности обычно таковы,

что он не столько «пытается внедрить то, что им разработано», сколько, наоборот, «разрабатывает то, что в первую очередь достойно практической реализации». Примеров и подтверждений этому огромное количество. Наиболее известные из них — концепция системогенеза профессиональной деятельности, послужившая методологической основой для обширного цикла не только теоретических, но и прикладных исследований и разработок; фундаментальная общепсихологическая теория способностей, разработанная на основе принципиально новой — функционально-генетической парадигмы и также являющаяся базой для решения многих практических задач, особенно в сфере образования. Даже такая, казалось бы, не связанная непосредственно с практическими задачами и разработанная им в последнее время концепция внутреннего мира человека, в действительности, глубоко практична: ее пафос заключается в том, что человек лишь тогда может быть Человеком, не только мыслящим, чувствующим, переживающим, но и *действующим*, когда он овладевает своим внутренним миром и благодаря этому становится и индивидуом, и индивидуальностью.

Синтетический склад интеллекта, синергия теоретической и практической его составляющих проявляется, конечно, не только в научной деятельности В.Д. Шадрикова, но и во многих иных сферах и аспектах, в том числе и в административной работе, и в педагогической деятельности, да и просто в житейских вопросах и межличностных отношениях. Здесь на первый план для Владимира Дмитриевича выходит то

личностное качество, подробный психологический анализ которого он впервые дал в своих исследованиях и которому неукоснительно старается следовать в своих практических делах — *добродетель*. И, если для практического ума лучше всего подходит формула, данная еще Аристотелем, — «стремящийся разум», то для богатой содержательно и насыщенной личностно одухотворенной деятельности лучше всего подходит именно это понятие — понятие *доброй* деятельности, добро-деятельности, кристаллизующейся и генерализующейся в личностном качестве добродетельности. Наиболее важно то, что это не просто теоретический конструкт, но и норма и даже императив для Владимира Дмитриевича, императив быть не столько деятелем, сколько *добродетелем*. Для огромного числа его коллег и учеников он именно таков.

Естественно, все сказанное выше — лишь фрагментарные и неполные, да к тому же и субъективные впечатления. Они ни в коем случае не претендуют на полноту и даже не исчерпывают вынесенной в заглавие темы «Учитель и школа». Считается, что удачная формулировка темы должна соответствовать раскрытию в тексте и выходить за его пределы, «подсказывать» читателю новые ходы. Так и формулировка темы «Учитель и Школа» («УиШ») имплицитно подразумевает многие иные, очень важные аспекты. Среди них нельзя, например, не отметить такое интереснейшее направление, как стиль научного руководства Учителем своей научной школы (и тогда формула «УиШ» раскрывается как «Ученики и Шадриков»). Еще один, быть может,

важнейший «разворот» темы «Учитель и школа» — это административная, точнее, государственная деятельность В.Д. Шадрикова, когда понятие «Учитель» вырастает до самого высоко ранга в структуре управления педагогическим образованием, а понятие «Школа» включает в себя, по существу, всю систему образования в стране. И в этом плане достижения В.Д. Шадрикова как деятеля образования также велики и неоспоримы.

В заключение необходимо отметить и еще одно, так сказать, «сквоз-

ное» качество В.Д. Шадрикова — качество, без которого нельзя говорить ни об Учителе, ни о Школе — об умении искренне радоваться успехам своих учеников. Это качество — не только атрибут, но и главный критерий действительно крупной, щедрой и духовно богатой природы, какой, без сомнения, является Владимир Дмитриевич. Оно порождает аналогичное — встречное и также глубокое и искреннее чувство, которое я и попытался выразить в этих заметках.

Карпов Анатолий Викторович, факультет психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, декан; доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО